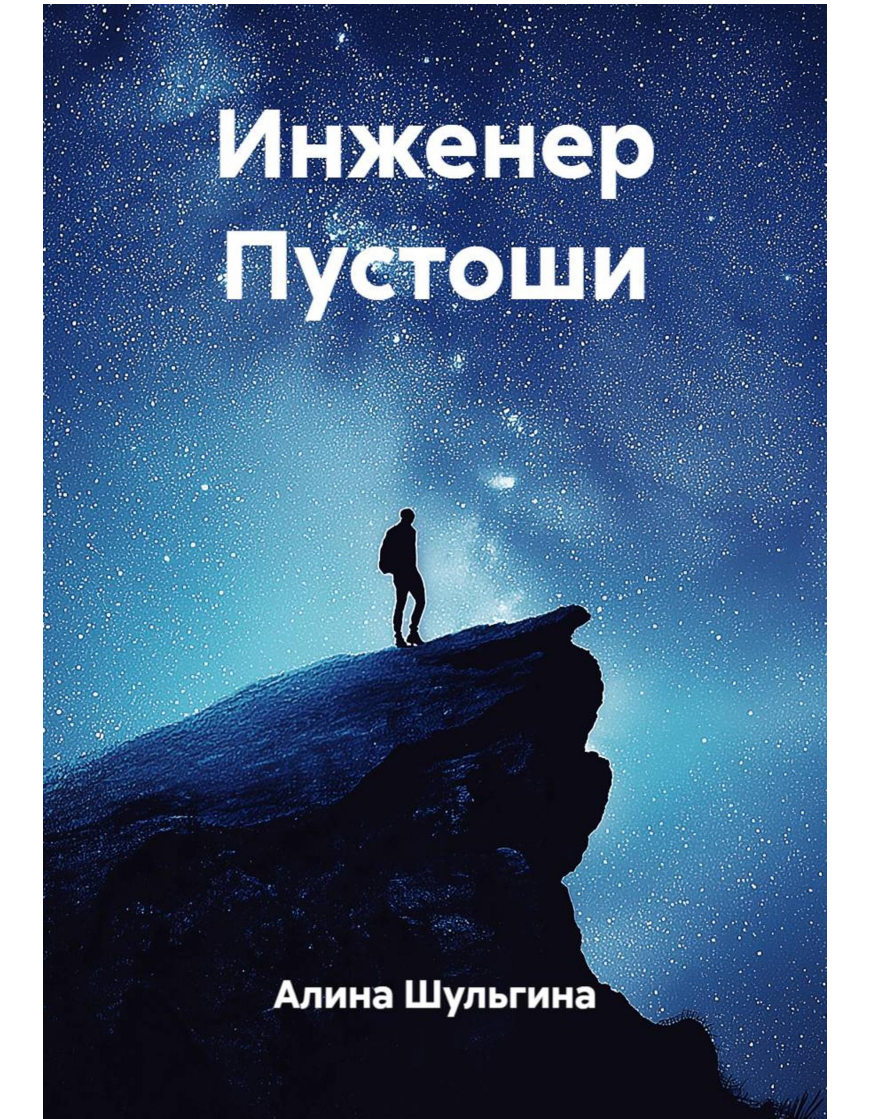

The background of the entire cover is a deep blue night sky filled with numerous white stars of varying sizes. In the lower half, a dark, jagged silhouette of a rocky cliff or mountain peak rises from the bottom. A small, dark silhouette of a person stands on the very edge of this cliff, looking out towards the vast, star-filled sky. The overall mood is one of solitude and contemplation.

Инженер Пустоши

Алина Шульгина

Алина Шульгина

Инженер Пустоши

<https://litres.ru/74137207>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он бурил скважины там, где земля твёрже стали. Но однажды его сознание перенеслось в тело раба на планете, где магия считается высшей силой, а знания — ересью. Местные добывают энергию варварски, теряя львиную долю. Он же видит физику там, где другие видят только ритуалы. Один удар под правильным углом — и кристалл отдаёт в десять раз больше. Одна схема — и ржавый хлам превращается в генератор, дающий свет и воду.

Его называют демоном, колдуном, пророком. Он называет себя инженером. Но в мире, где корпорации правят страхом, а Пустошь жрёт каждого, кто оступись, знания становятся оружием, которое страшнее магии. Он не хочет войны — но мир не оставляет выбора.

Жёсткая постапокалиптическая фантастика о том, как один человек с формулами в голове переворачивает мир, где магия — всего лишь непонятая наука.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Инженер Пустоши

Глава 1

Он открыл глаза и понял: это не сон, не бред, не клиническая смерть. Это — переселение. Чужой потолок, чужой запах, чужое тело, которое болело так, будто его переехали катком, а потом оставили гнить в сыром подвале.

Первое, что он ощутил, — отсутствие кислорода. Не просто нехватка, а полное, абсолютное отсутствие, словно воздух здесь был не воздухом, а серой взвесью, которая оседала на языке как песок. Он попытался вдохнуть глубже — и лёгкие обожгло сухим, колючим холодом. Каждая клетка кричала: здесь нет жизни.

Он лежал на чём-то жёстком и холодном. Каменный пол, утрамбованный десятками тысяч босых ног до такой гладкости, что казался полированным сланцем. Пальцы судорожно вцепились в эту поверхность — искали опору, искали точку, за которую можно зацепиться, чтобы не провалиться в бездну. Но реальность не желала подчиняться законам его прежнего мира.

Вместо привычного гула вентиляции — того самого, что сопровождал его тридцать пять лет, — стояла тишина. Тяжёлая, ватная, липкая. Она не просто давила на уши — она просачивалась в кости, в мозг, в самое нутро. Тишину нару-

шали только хрипы сотен лёгких, спавших вокруг.

Кто-то кашлянул рядом — надрывно, с металлическим оттенком, будто в горле застряли ржавые гвозди. Кто-то всхлипнул во сне, кто-то забормотал проклятия на языке, которого он никогда не слышал, но — о чудо — понимал каждое слово.

«Сдохни, Кел. Сдохни быстрее. Освободи нары».

Кел. Это имя врезалось в сознание острой иглой. Чужое имя, чужая жизнь, чужая память — она хлынула в его мозг, как кислота, выжигающая старые нейронные связи, перестраивая их под новую реальность.

Парень по имени Кел. Девятнадцать лет. Три года в этой яме, где солнце — лишь слух, а небо — каменный потолок. Шесть попыток побега. Каждая заканчивалась плетью и унижительным возвращением в барак. Последняя — три дня назад. Три дня без воды, в карцере, где стены были влажными от чужого пота и отчаяния. Там он и умер. Там его тело остыло. Но кто-то другой теперь дышит им.

Он поднёс руки к лицу. Тонкие, с выпирающими суставами, покрытые въевшейся грязью и глубокими шрамами от ударов кайлом. Не его руки. На месте указательного пальца, которым он привык нажимать кнопки запуска буровой установки, — грубый обрубок, старая травма, залеченная без врача, просто прижжённая раскалённым железом. Шрам багровый, бугристый. Он провёл по нему пальцем другой руки, и по телу пробежала дрожь.

— Глаза... — прошептал он. — Мои глаза.

Чужой голос. Хриплый, с надрывом, но он говорил на этом странном языке — языке Тарры — свободно, как на родном. Грамматика вплелась в сознание вместе с воспоминаниями Кела. Слова приходили сами, без усилий, будто они всегда здесь были.

Он попытался встать — ноги подкосились. Мышцы были как варёная пакля — вялые, безжизненные. Голод. Настоящий, физический голод, который скручивал желудок в тугой узел, высасывал силы из каждой клетки. В его мире голод был абстракцией — можно было сходить в столовую, заказать еду. Здесь голод был врагом, который жил внутри тебя и грыз твой позвоночник.

— Кел? — раздался хриплый шёпот справа. — Кел, ты как? Ты три дня не жрал, не ходил.

Он с трудом повернул голову. Рядом, на нарах, сколоченных из грубых досок, сидел парень. Один глаз у него был закрыт бельмом — страшное, опалённое веко, словно кто-то выжег ему глазницу калёным прутом. Второй глаз — светло-серый, почти бесцветный — смотрел настороженно, с той особенной звериной хитростью, которую вырабатывают только в условиях абсолютного выживания.

— Дорн, — прошептал он, имя всплыло из воспоминаний Кела, как всплывает пузырь на поверхности стоячей воды. — Сколько я спал?

— Ты не спал, — ответил Дорн, — ты был в отключке.

Тебя принесли на руках. Думали, ты уже готовый. Но ты дышишь. Значит, ещё живой.

— Я жив, — сказал он глухо. Сказал и понял, что врёт. Жив был тот, другой, инженер с буровой вышки. А этот, в чужом теле, — он только что родился. С разрывом аорты в черепной коробке, с пересадкой сознания в чужую память. Как будто его вырвали из одного мира и бросили в другой, даже не спросив согласия.

Его звали Арсений. Сорок три года. Ведущий инженер по бурению на Ямале. Там, в прошлой жизни, он спускался на километр под землю, чтобы пробиться к газовому пласту. Он знал породу, как своё лицо. Знал углы падения, коэффициенты трения, прочность на сжатие. Его мир был миром формул и точных расчётов. А этот мир... этот мир вонял кровью и гнилью, и здесь, судя по воспоминаниям Кела, люди не знали физики. Они добывали голубые кристаллы — Искру — варварским способом: бились об них кайлами, как об стену, теряя большую часть энергии в никуда.

«Тупые», — подумал он. — «Они бьют плашмя. Все усилия уходят в дробление. Если бить под углом...»

Мысль оборвалась. Где-то в глубине барака зазвенел металлический колокол. Сигнал к подъёму. Пять часов утра по времени шахты «Утроба». Надзиратели уже шли по проходу между нарами. Двое — с бичами, на концах которых звенели металлические шарики. Третий — с ведром баланды. Жидкое месиво, пахнущее дрожжами и тухлятиной. Оно

пахло так, что Арсений рефлексивно сжал челюсти, но желудок предательски заурчал.

— Жрите, черви! — заорал надзиратель, высокий лысый, с татуировкой молнии на черепе, которая в тусклом свете факела казалась живой. — Через пять минут выходите в забой! План не выполните — неделя без воды!

Дорн дёрнул его за локоть.

— Ешь, Кел. Ты ослаб. Сегодня не выйдешь — тебя плетью забьют.

Арсений — уже Арсений, потому что прежний Кел умер, оставив только пустую оболочку, — взял миску. Баланда была тёплой и жидкой. Он заставил себя проглотить ложку. Потом вторую. Вкус был отвратителен — горький, с привкусом металла, как будто в месиво добавили ржавчины. Но тело требовало пищи, и он подчинился. С каждой ложкой к нему возвращалась капля силы.

Надзиратель с молнией на черепе подошёл к их нарам. Он навис над Арсением, и свет факела падал на его лицо, делая черты ещё более злобными.

— Кел, — сказал он, наклоняясь. — План на сегодня — полтора кило. Не принесёшь — пойдёшь в Пустошь. Там не выживают.

Арсений поднял голову. Посмотрел на надзирателя. Впервые за этот час он почувствовал не страх, не слабость, не отчаяние, а холодную, профессиональную злость. Злость инженера, который видит, как работу делают через жопу.

Злость человека, который знает, как надо, и не может молчать.

— Зачем? — спросил он.

— Чего? — надзиратель опешил. Он явно не ожидал вопроса от раба, который только что выжил в карцере.

— Зачем мне тащить полтора кило, — повторил Арсений чётко, разделяя каждое слово, — если я могу принести десять?

Дорн поперхнулся баландой. Надзиратель замер. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх, но он быстро подавил его.

— Ты в своём уме, Кел? — он криво усмехнулся. — Ты вообще дышишь?

— Я дышу, — сказал Арсений. — И я знаю, как добывать Искру правильно. Но вы не поймёте.

Он отвернулся и начал есть баланду с тем спокойствием, которое граничило с безумием. Надзиратель постоял пару секунд, потом развернулся и пошёл дальше, что-то бормоча себе под нос. Но Арсений заметил, как он сжал плеть чуть сильнее.

Дорн схватил его за плечо.

— Кел, ты что творишь? Зачем ты злишь его? Тебя же плетью...

— Меня не будут бить, — перебил Арсений. — Меня побоятся. Потому что я могу дать им Искры больше, чем вся их шахта за месяц. У них есть план, есть надзиратели, есть

плети — а у меня есть знание. И знание всегда сильнее.

Он доел баланду. Поставил пустую миску на пол. Встал. Тело шатнулось, ноги дрожали, но он удержал равновесие. Чужая нервная система подчинялась ему. Мышцы помнили движения, которые он никогда не делал, — но он заставил их слушаться.

— Сегодня я покажу им, — сказал Арсений. — А завтра они будут ползать у моих ног.

Дорн смотрел на него с ужасом, смешанным с надеждой. Он видел перед собой не того Кела, который дрожал перед надзирателями, не того Кела, который покорно таскал корзины. Он видел кого-то совершенно другого.

— Ты изменился, Кел. Ты стал другим.

— Я стал тем, кем должен был быть, — ответил Арсений. — Пойдём. Покажи мне забой.

Он шагнул вперёд, и за его спиной остался барак — сырой, тёмный, пропитанный страхом. Но теперь Арсений нёс в себе не только воспоминания Кела. Он нёс формулы, расчёты, знание о том, как заставить этот мир работать.

Он был готов.

Пустошь ждала его — но он не знал этого. Он знал только, что впереди — забой, Искра и первый шаг к переменам.

Глава 2

Шахта «Утроба» была уродлива, как незаживающая рана на теле земли.

Арсений спускался вниз по деревянному трапу, вцепившись в канат, пропитанный смолой. Смола липла к ладоням, оставляя чёрные, липкие следы, но он не отпускал — ступеньки под босыми ногами были скользкими от влаги и многолетней грязи. Каждый шаг давался с трудом: мышцы всё ещё дрожали после голодных дней, а суставы ныли, как у старика.

Воздух становился тяжелее, влажнее, с каждым метром спрессовывался, как мокрая вата. Запах гнили, который висел в бараке, постепенно сменялся запахом сырой породы — земли, которая никогда не видела солнца. Но главным был другой запах: едкий, синий, щиплющий нос. Голубая пыль оседала на коже, въедалась в поры, оставляя налёт на языке. Арсений сплюнул — пыль была везде, она проникала в лёгкие, в кровь, в сами мысли.

Ствол шахты уходил вниз метров на сто. Стены были укреплены кое-как — ржавые балки, прогнившие доски, местами порода осыпалась, открывая зияющие дыры, которые вели в неизвестные боковые выработки. Арсений скосил глаза в одну такую дыру — там было темно, но в темноте мерцали голубые прожилки. Искра. Она росла, как плесень, пи-

таясь тьмой.

«Интересно, — подумал он, — какова структура этого кристалла? Какая у него твёрдость? Если я смогу определить плоскость спайности...»

Мысль оборвалась, потому что трап закончился. Он ступил на дно.

Забой был огромным — метров тридцать в длину и двадцать в ширину. Свод поддерживали грубые деревянные стойки, некоторые из них уже треснули под тяжестью породы. Стойки стояли криво, как пьяные солдаты. Свет факелов — тусклый, красноватый, коптящий — выхватывал из полумрака лица шахтёров, которые уже начали работу. Они били кайлами по кристаллической породе, и каждый удар сопровождался глухим треском, от которого в воздух взлетали облака синей пыли.

В центре забоя громоздился пласт Искры — массивный, неровный, словно застывшая волна. Кристалл был шершавым, матовым, покрытым тончайшей пылью, как иней. Но внутри, в глубине, мерцал синий свет. Запертая энергия. Миллионы лет она копилась в недрах Тарры, ожидая, пока кто-то сможет её извлечь.

Арсений подошёл ближе, присел на корточки. Провёл пальцами по поверхности — холодная, гладкая на ощупь, но с микроскопическими зазубринами. Он закрыл глаза и попытался представить, как она образовалась. Высокое давление, температура, миллионы лет... И вот она, перед ним.

Энергия, запертая в кристаллической решётке.

Местные добывали её так: били кайлами плашмя по поверхности. Кристалл крошился, разлетался осколками, теряя больше половины своей массы в мелкую пыль. Пыль оседала на одежде, на коже, въедалась в лёгкие. Шахтёры кашляли кровью, но план выполняли с трудом. Через месяц они умирали — одни от болезни, другие от истощения. А Искра всё равно уходила в песок.

«Идиоты, — прошептал Арсений, и в голосе его звучала не злоба, а усталое отчаяние. — Просто идиоты».

Он поднял кайлу. Она была ржавой, затупленной — лезвие сточено до блеска от многолетнего использования. В прошлой жизни он работал алмазными коронками, которые резали гранит, как масло. Здесь — примитив. Но даже примитивом можно пользоваться правильно, если знать, куда и как бить.

— Кел! — окликнул его Дорн из-за спины. — Ты чего застыл? Надсмотрщик смотрит.

Арсений не обернулся. Он смотрел на кристалл, прикидывая угол. В голове пронеслась формула: угол падения равен углу отражения. Если ударить под углом Брюстера — тем самым углом, при котором отражённый луч полностью поляризуется, — энергия удара не распылится, а сосредоточится в плоскости спайности. Кристалл должен отколоться по естественной грани.

Он провёл пальцем по поверхности, нащупывая едва за-

метную трещину. Вот она — линия разлома. Тонкая, как паутина, но она была. Всё в мире имеет свою структуру, даже магия.

— Смотри, — сказал он, обращаясь не только к Дорну, но и к тем шахтёрам, которые начали оборачиваться. — И запоминай.

Он замахнулся. Не так, как били местные — сверху вниз, с полной амплитудой, тратя всю силу на разрушение. Он взял кайлу под углом в сорок пять градусов, с акцентом на кисть, с коротким, резким движением. Как будто не рубил дрова, а колол кристаллическую пластину по линии естественного разлома.

Кайла вошла в поверхность. Раздался не треск, а звон — чистый, металлический, какой бывает от удара по тонкому стеклу. Кристалл не разлетелся осколками. Он откололся слоем — ровным, гладким, как зеркало.

Арсений поднял пластину. Она весила не меньше килограмма. Чистой Искры. Без потерь. Он повернул её к свету факела, и внутри заиграли голубые искры, как звёзды в миниатюре.

— Это... — Дорн открыл рот, и в его глазах застыло изумление. — Как ты это сделал?

— Угол, — ответил Арсений, не отрывая взгляда от пластины. — Ты бьёшь прямо — энергия уходит в глубину и дробит кристалл изнутри. Я быю под наклоном — энергия идёт вдоль слоя и просто отслаивает его. Как снимать кору с

деревя. Ты не разрушаешь — ты разделяешь.

— Но это же магия! — выдохнул кто-то из шахтёров.

— Это физика, — усмехнулся Арсений. — Я же говорю, вы ничего не понимаете. А хотите, я научу вас?

Он ударил снова — ещё один идеальный слой, ещё одна пластина. Снова звон, снова откол. За минуту у его ног лежало уже три пластины. Ровно столько, сколько бригада из десяти человек добывала за полный день.

Шахтёры начали собираться вокруг. Они бросали свои кайлы, подходили ближе, смотрели на Арсения с изумлением и страхом. В их глазах он был колдуном, демоном, кем угодно, только не человеком. Кто-то перекрестился, кто-то отступил на шаг.

— Кел, — проговорил один старый шахтёр с седой бородой, трясущейся от волнения. — Кел, ты нас всех подведёшь. Надзиратели увидят, что ты умеешь больше, чем надо, и прирежут тебя в карцере. Или отправят в Пустошь.

— Они не прирежут, — сказал Арсений спокойно, не повышая голоса. — Они захотят узнать секрет. И я им скажу. Но за это они дадут мне всё, что я попрошу.

— А если нет?

— Если нет, — Арсений усмехнулся, и в его улыбке промелькнула холодная решимость, — я взорву эту шахту. Я знаю, как сделать из Искры бомбу. Просто ударь по ней в нужном месте, и она выплеснет энергию. Весь забой рухнет. И они останутся без Искры навсегда.

Он сказал это громко, специально для надзирателей, которые стояли на верхней площадке и наблюдали за работой. Их фигуры маячили в свете факелов, но он знал, что они слышат каждое слово.

Главный надзиратель — лысый, с татуировкой молнии на черепе, тот самый, что раздавал баланду — услышал. Его лицо исказилось от гнева. Он оттолкнул стоящего рядом солдата и начал спускаться вниз, сжимая в руке плеть.

— Кел! — заорал он, перекрывая шум работы. — Ты что несёшь?! За такие слова — Пустошь! Я сам тебя туда отведу!

Арсений не шелохнулся. Он стоял у кучи пластин, глядя на спускающегося надзирателя, и даже не попытался отступить.

— Подойди, — сказал он тихо, но так, что в забое наступила тишина. — Подойди и попробуй меня ударить.

Надзиратель спустился. Он был выше Арсения на голову, шире в плечах — настоящая гора мышц и злобы. Плеть в его руках гудела, рассекая воздух, и металлические шарики на концах звенели, как предсмертный колокольчик. Шахтёры попятились, освобождая пространство. Дорн схватился за кайлу, но Арсений едва заметно покачал головой — не вмешивайся.

— Ты — раб, — прошипел надзиратель, нависая над Арсением. — Ты — ничто. Ты — пустое место, которое можно заполнить гнилью. Ты ничего не можешь.

— Я — тот, кто добыл за минуту больше, чем ты за день,

— ответил Арсений, глядя ему прямо в глаза. Он не моргал, не отводил взгляда. — Ты хочешь меня убить? Убей. Но тогда твой хозяин никогда не узнает, как добывать Искру в десять раз больше. Как ты думаешь, что он сделает с тобой, когда узнает, что ты лишил его такого секрета?

Надзиратель замер. Его челюсть сжалась, на скулах заходили желваки. Он занёс плеть — широко, с размахом, вкладывая в удар всю свою ненависть.

Плеть свистнула, рассекая воздух. Арсений не моргнул. Он поднял руку и поймал её — прямо за ремень, у самого конца. Кожа на ладони лопнула, полилась кровь, горячая и липкая, но он не отпустил. Боль была резкой, но он уже привык к боли за этот час.

— Ты думаешь, что можешь меня запугать? — спросил он, сжимая ремень так, что костяшки побелели. — Ты думаешь, что плеть — это сила? Нет. Это слабость. Слабые бьют. Сильные — понимают.

Он рванул плеть на себя с такой силой, что надзиратель потерял равновесие и рухнул лицом в грязь у его ног. Грязь — смесь пыли и влаги — брызнула во все стороны. Надзиратель поднялся, вытирая лицо, и в его глазах зажглась ненависть — но к ней примешивался страх.

— Слушай меня, — сказал Арсений тихо, почти шёпотом, но так, что слышали все. — Скажи своему хозяину: я приду к нему завтра. Я покажу ему, как работает настоящая добыча. А если он откажется — я уйду в Пустошь. И вернусь с

армией. С теми, кто умеет выживать там, где ты сдохнешь за час. Я не шучу.

Надзиратель стоял, тяжело дыша, сжимая обломок плети, которую Арсений всё ещё держал в руке. Он молчал. В его взгляде было всё: ненависть, унижение, страх, но он боялся не Арсения — он боялся того, что за ним стоит. Боялся, что Кел говорит правду.

— Ты сдохнешь, — сказал он наконец, голос его дрожал. — Рано или поздно. Пустошь или плеть — ты сдохнешь.

— Возможно, — ответил Арсений, не разжимая руки. — Но не сегодня. А завтра я буду говорить с твоим хозяином. Передай ему мои слова.

Он отпустил плеть. Надзиратель схватил её, отступил на шаг, развернулся и пошёл прочь, не оборачиваясь. Шахтёры расступились перед ним, но никто не посмел засмеяться.

Арсений поднял пластины Искры — три штуки — и сложил их в корзину. Кровь с его ладони капала на камень, оставляя тёмные пятна. Он не обращал на это внимания.

Затем он повернулся к шахтёрам. Они стояли в кругу, смотрели на него, как на пришельца с другой планеты.

— Все, — сказал он громко, чтобы слышали даже те, кто стоял у дальнего забоя. — Работаем по-новому. Угол удара — сорок пять градусов. Не бейте плашмя — режьте слоями. Не торопитесь, не бейте изо всех сил — ищите линию разлома. Она всегда есть. Через неделю вы не будете рабами. Я обещаю.

Он взял кайлу, показал ещё раз — медленно, чётко, как учитель на уроке.

— Смотрите ещё раз. Запоминайте. Завтра я проверю каждого.

Шахтёры молчали, но в их глазах зажглась искра. Не Искра кристалла, а другая — надежда. Они не верили ему до конца, но они видели, что это работает.

Дорн подошёл к нему, когда надзиратель уже скрылся на верхней площадке.

— Кел, — прошептал он, — откуда ты это знаешь? Ты же был таким же, как мы. Ты не умел даже кайлу правильно держать. А теперь... ты говоришь как учёный.

Арсений посмотрел на Дорна. Ему хотелось сказать правду — что он не Кел, что он из другого мира, что он инженер. Но он знал: время для правды ещё не пришло. Пока они поверят в него только как в Кела, который изменился.

— Я знаю больше, чем могу сказать, — ответил он. — Но если мы выживем — я скажу всё. А пока работай. И учи других. Ты — мой первый ученик.

— Я? — Дорн удивлённо моргнул единственным глазом.

— Ты. Ты был рядом, когда я проснулся. Ты прикрыл меня. Ты заслужил это. А теперь — за работу. У нас есть план, и нам нужно его выполнить.

Он похлопал Дорна по плечу — окровавленной ладонью — и пошёл к забою. За его спиной шахтёры начали поднимать кайлы, неуверенно, но стараясь повторить его движе-

ние.

Арсений остановился на мгновение и посмотрел на сияющий пласт Искры. Он знал, что впереди — не просто добыча. Впереди — битва за умы, за свободу, за мир. Но сейчас, в эту минуту, он сделал первый шаг.

Он улыбнулся и продолжил работать.

Глава 3

Они пришли ночью.

Арсений не спал. Он сидел на нарах, прислонившись спиной к сырой стене, и перебирал в памяти обрывки воспоминаний Кела. Это было похоже на перелистывание старой, потрёпанной книги — некоторые страницы вырваны, некоторые смазаны, но общая картина складывалась.

Тарра. Мир, где магия заменяет технологию. Где Искра — источник всей энергии, но её добыча превратилась в рабский труд, а знания были объявлены ересью. Где Корпорация «Сияющий рудник» держит в страхе всю Пустошь, как паука, опутавший муху паутиной.

Он попытался представить масштаб. Корпорация была старше, чем сам мир — её основали ещё в древности, до Катаклизма. Тогда она была исследовательской организацией, изучающей кристаллы. Потом — добывающей. Потом — военной. Теперь это была империя внутри империи, с собственными законами, тюрьмами и армией. Она контролировала не только шахты, но и воду, еду, знания. Всё, что нужно для жизни, — и всё, что нужно для смерти.

Арсений посмотрел на свои руки. Чужие, но уже привычные — за день они успели стать его собственными. Он чувствовал, как под кожей бьётся чужой пульс, но мысли — его собственные. Он помнил формулы, расчёты, чертежи. Он

мог построить двигатель из ничего. Мог создать источник энергии из пары кристаллов и воды. Он знал, как превратить этот проклятый мир в цветущий край — если только ему дадут время.

Но сначала нужно было выжить. А для этого — понять, кто здесь главный враг.

Шум шагов заставил его насторожиться. Тяжёлые, металлические шаги — не босые, не шаркающие, а чеканные, ритмичные. Не надзиратели с бичами — те ходили легче, наглее. Это были военные.

Дверь барака распахнулась с глухим ударом. В проёме показались фигуры в чёрной броне — плотные, угловатые, с глухими шлемами, закрывающими лица. У каждого в руках арбалет, на поясе — голубой кристалл, вставленный в металлическую оправу. Они вошли бесшумно, как тени, и выстроились вдоль стен.

— Кел, — раздался голос. Жёсткий, как лезвие, холодный, как сталь в мороз.

Из-за спин солдат вышел человек. Арсений сразу понял: это не простой надзиратель. На нём было длинное белое пальто, блестящие сапоги, на пальце — перстень с огромным синим камнем, который, казалось, дышал. Лицо — сухое, аскетичное, с запавшими глазами, в которых не было ни капли тепла. Лысый череп блестел в свете факелов, отражая тусклое пламя.

Магистр Ксерак. Надзиратель над всеми шахтами. Челю-

век, которому подчинялись сотни солдат. Человек, который убивал одним словом, одним жестом.

— Кел, — повторил Ксерак, и голос его царапнул тишину, как нож по стеклу. — Встань передо мной.

Арсений не шевельнулся. Он сидел на нарах, глядя на магистра снизу вверх. Его сердце билось ровно — он не позволял себе бояться. Бояться — значит проиграть до того, как начнётся игра.

— Я стою, — сказал он, не повышая голоса. — Хочешь говорить — говори.

Ксерак усмехнулся — сухо, безрадостно. Он подошёл ближе, остановился в двух шагах, и Арсений почувствовал исходящую от него силу — магия вибрировала в воздухе, как звенящая струна.

— Ты изменился, Кел, — сказал он, изучая Арсения взглядом. — Ты был безвольным рабом, живым буром, который таскал корзины. А сегодня ты показал нечто необычное. Ты добыл Искры больше, чем мои лучшие шахтёры за день. Как? Я хочу знать.

— Я уже говорил, — ответил Арсений. — Физика. Вы бьёте неправильно. Вы тратите энергию на дробление, вместо того чтобы использовать структуру кристалла.

— Физика? — Ксерак склонил голову набок, как любопытная птица. — Что это за слово? Я слышал его раньше, но только из уст еретиков.

— Наука. Искусство понимать, как работает мир. Без ма-

гии, без ритуалов — просто зная законы, которые управляют материей.

— Мир работает через магию, — сказал Ксерак, и в его голосе послышалось раздражение. — Искра — это магия. Каждый кристалл содержит частицу великой силы, созданной богами. Ты не можешь добывать её иначе, как через ритуал и жертву.

— Вы ошибаетесь, — твёрдо ответил Арсений. — Это не ритуал. Это механика. Я могу научить ваших людей добывать в десять раз больше — без жертв, без лишних смертей.

Ксерак засмеялся — сухо, безрадостно, как треск сухих веток.

— Ты — раб. Ты не учишь. Ты выполняешь. Твоя задача — добывать, а не рассуждать.

— Ваши солдаты, — Арсений кивнул в сторону фигур в броне, — тоже когда-то были рабами? Или они просто нашли выгодную работу, сменив кайло на арбалет? Я предлагаю вам сделку: я учу ваших шахтёров правильной добыче. Вы даёте мне свободу и защиту. И я сделаю вас богаче, чем вы можете себе представить.

— Свободу? — Ксерак приподнял бровь, и в его глазах мелькнула насмешка. — Ты просишь свободу у Корпорации? Забавно. Свобода — это иллюзия, которую продают тем, кто не понимает, что такое власть.

Он поднял руку. Перстень на его пальце засиял голубым — свет был ярким, болезненным для глаз. Арсений почув-

чувствовал давление — магическое поле, которое прощупывало его, сканировало каждую клетку, искало скрытый дар. Он сжал челюсти, не позволяя себе дрогнуть.

— Пусто, — сказал Ксерак разочарованно, опуская руку. — Ты не маг. Совсем никакого дара. Просто человек. Значит, твоя «физика» — это выдумка, чтобы привлечь моё внимание. Или, возможно, ты ищешь смерти?

— Это не выдумка, — упрямо повторил Арсений. — Дай мне минуту, и я покажу.

Ксерак задумался. Он смотрел на Арсения, и в его взгляде промелькнула тень любопытства — смешанного с презрением. Наконец он кивнул.

— Хорошо. Покажи. Если это просто фокус — ты отправишься в Пустошь. Живым. И будешь умирать долго.

Арсений поднялся. Он чувствовал, как дрожат ноги, но он не позволял себе показать слабость. Он подошёл к корзине с дневной добычей, взял одну пластину Искры — ещё не обработанную, шершавую, с неровными краями. Рванул полосу от своей рубахи, обмотал край пластины тканью. Это была грубая изоляция, но для его цели её хватит.

— Смотрите, — сказал он, поворачиваясь к Ксераку и солдатам. — Сейчас я превращу этот кристалл в оружие.

Он поднял кайлу, которая лежала у ног — ту самую, которой работал сегодня. Сделал короткий, резкий удар по оголённому краю пластины — под углом в сорок пять градусов, точно по линии спайности.

Кристалл треснул — не разлетелся, а раскололся по грани, освобождая запертую энергию. Из трещины вырвался сгусток света — ослепительный, голубой, пульсирующий. Он ударил в потолок, и камень обуглился, посыпались мелкие осколки. Воздух запах озоном, как после грозы.

Солдаты попятились, сжимая арбалеты. Ксерак отшатнулся, его лицо побледнело — на мгновение он потерял свою надменную маску.

— Что это было? — спросил он резко, и в его голосе впервые прозвучал страх.

— Это — разряд, — ответил Арсений, не сводя с него взгляда. — Я высвободил энергию, которая была заперта в кристалле. Вы называете это магией, но это просто физика. Если я направлю этот разряд в стену — стена рухнет. Если в человека — он умрёт мгновенно. Ваша магия делает это медленно и ритуально. Я делаю это быстро и чисто.

Он опустил кайлу, и сгусток света погас, оставив лишь тлеющее пятно на потолке.

Ксерак молчал. Его лицо было непроницаемо, но Арсений видел, как дрожит его рука, сжимающая перстень. Магистр явно не ожидал такого.

— Ты опасен, — сказал он наконец, и голос его стал тише, почти шёпотом. — Ты слишком много знаешь. И ты не маг — это делает тебя ещё опаснее, потому что мы не можем контролировать тебя через кристаллы.

— Я могу быть полезен, — ответил Арсений. — Выби-

райте: либо я работаю на вас и приношу вам богатство, либо вы убиваете меня — и теряете всё, что я мог бы дать. Я не прошу многого — только свободу и защиту. За это я сделаю вас самыми богатыми людьми в Тарре.

Ксерак смотрел на него долго, очень долго. В его глазах боролись жадность и страх. Наконец он повернулся к солдатам и сделал короткий жест.

— Возьмите его.

Двое солдат подошли к Арсению, схватили его за руки, грубо вывернули их. Они были сильны — Арсений не сопротивлялся.

— Ты пойдёшь в Пустошь, — сказал Ксерак, глядя ему в глаза. — Корпорация не терпит аномалий. Ты — аномалия. Ты будешь уничтожен или изолирован. Пустошь изолирует тебя лучше любой тюрьмы. Ты умрёшь там, медленно и незаметно, и никто никогда не узнает о твоих фокусах.

— Вы совершаете ошибку, — сказал Арсений, не повышая голоса. — Я — не просто раб с кайлой. Я — тот, кто может перевернуть этот мир. И когда я вернусь, вы пожалеете о каждом слове, которое сказали сейчас.

— Мои ошибки — моя забота, — холодно ответил Ксерак. — Уведите его.

Солдаты потащили Арсения к выходу. Дорн, который сидел в углу, попытался вскочить — но другой солдат ударил его прикладом арбалета в плечо, и Дорн рухнул обратно на нары, зажимая ушибленное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.